

ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ, РЕФЕРАТЫ

СОЗИДАТЕЛИ О ВРЕМЕНИ И О СЕБЕ:

**Маршрут длиною в жизнь. Геологи МГУ (1951–1956).
М.: ЭЛИА-АРТ-О, 2006. — 461 с.**

Это книга о жизненном пути бывших студентов геологического факультета Московского государственного университета и о времени, в котором они жили. Это — коллективный труд и коллективная память: в ней все подлинное, 75 бывших студентов писали ее. Чтобы через 50 лет после окончания вуза не один и не два человека, а целый курс написал свою собственную историю — довольно редкий случай в мемуарной литературе. Да и жанр книги лишь условно можно отнести к таковой. Это скорее документальная новейшая история людей, создававших национальное богатство страны, которое сегодня узурпировано случайными людьми в момент исторического землетрясения. История научно-технической интеллигенции, создававшей научную и материальную базу современной России.

Книга состоит из семи разделов. (1) «Начало», где рассказывается история геологического факультета МГУ: как он был создан, какие специальности (кафедры) давал и кто преподавал авторам книги на протяжении пяти лет (поименно!); (2) «Когда мы были молодыми», где жизнь курса представлена со всех сторон (учеба, общественная работа, отдых, спорт, агитпоходы, близкие и дальние походы, жизнь в общежитии на Стромьнке и в новом здании МГУ); (3) «Юбилеи» — 20 и 40 лет после окончания, «круглые даты» бывших студентов; (4) «Пятьдесят лет спустя» — самый большой раздел, где бывшие выпускники говорят о своей работе в экспедициях во все уголки огромного СССР и на континенты, включая Антарктиду, о поездках на международные конгрессы, оценивают БАМ и другие «великие стройки коммунизма», комментируют отношение общества и государства тех лет к интеллектуальной собственности; (5) «Наши стихи»; (6) «О себе, ушедших друзьях, о сокурсниках» — раздел, содержащий 187 биографий бывших студентов курса, кратких и не очень и (7) «Приложение», или «Список-состояние» на 2006 г. о 179 из них. Книга снабжена индивидуальными и коллективными фотографиями студентов и преподавателей курса.

Как создавался такой коллективный портрет эпохи и пятидесятилетнего «маршрута»? Включенное наблюдение, интервью и личные мемуары, дневники и

письма, размышления о времени и архив МГУ — все методы сбора материала были использованы. Но, представляется, главное, — это задача, поставленная авторами книги, которая и определила методы сбора и подачи материалов. А задача была весьма масштабной, потому что, как написали составители, «это мы закрыли геологическими картами последние “белые” пятна нашей Родины, мы участвовали в создании карт перспектив нефте- и газоносности Западной Сибири и всего бывшего Союза, многочисленных металлогенических карт различных районов страны; мы участвовали в проведении Первого международного геофизического года и изучали Антарктиду; мы впервые поставили опорные гравиметрические точки на дне четырех океанов (эта гравиметрическая экспедиция была одним из самых грандиозных мероприятий в изучении гравитационного поля Земли, материалы которой актуальны до сих пор. — *О.Я.*); мы участвовали в строительстве ряда АЭС, Братской ГЭС и гидроэнергетической системы в низовьях Нила. Мы были экспертами ООН по геологии и гидрологии, мы открывали месторождения не только у себя на Родине, но и во многих странах мира. Нами и по нашим материалам составлялись многочисленные сводки по минеральным ресурсам, создавались многотомные издания “Геология СССР”, “Гидрогеология СССР”, “Инженерная геология СССР”. Создание базы для детища XX века — экспериментальной минералогии и петрографии — тоже не обошлось без нашего участия» (с. 6–7).

Для социологов и историков наибольший интерес представляют ответы на вопрос «о смене исторических эпох». Я не буду их пересказывать — приведу самые типичные, на мой взгляд, ответы:

- «Смену эпох в нашей стране я воспринимаю как величайшую подлость... Она привела к крушению почти всего созданного до этого тяжкими трудами, ограблению простых людей, оторвала лично меня от региона, которому я посвятил 50 лет своей работы, а там ее осталось еще очень много»;
- «Из другой страны (т. е. из Владивостока) смена так называемых исторических эпох смотрится совсем по-другому и вызывает только отрицание. Заводы закрыты, флот распался, геологии нет вообще. Осталось 5–6 человек плюс руководство»;
- «Везде (при социализме) были друзья, соратники и единомышленники. Мы жили весело и напряженно. Не было зависти по поводу лучшей жизни на Западе... я чувствовала себя представителем большой страны... Дорогие мои однокашники, мы с вами неплохо поработали. За нашими плечами... <многие> разгаданные тайны природы. Нам есть чем гордиться ... и пусть реформаторы у послевоенного поколения поучатся еще работать!» (с. 232-233).

А вот оценка ситуации после распада СССР и нашей длительной «Великой депрессии» в геологической науке и регулируемой ранее государством геологической службе:

- «Смена “исторических эпох” в нашей отрасли науки привела к полнейшему затишью, научные суда стали “на прикол”, экспериментальные работы прекратились, научные контакты с зарубежьем — тоже»;

– «К концу 1980-х гг. геологическая служба в стране практически развалилась. Я был уже пенсионер, однако продолжал работать в золотодобывающей старательской артели... не без пользы для профессионального и жизненного опыта, даже в качестве охранника... Опыт и знания, особенно по благородным металлам, — при мне. Жаль, остаются неиспользованными планы по изучению, разведке районов, явно перспективных на полезные ископаемые»;

– «Смена эпох в стране отразилась закрытием геолого-геофизических экспедиций в Мировой океан, Арктику и Антарктику, изучением которых занимаюсь 48 лет» (с. 234–235).

Смена «исторических эпох» застала большинство однокурсников в предпенсионном или пенсионном возрасте, когда резко изменить образ жизни было уже невозможно. Некоторым удалось как-то адаптироваться, другим — нет, но в очень многих случаях огромный научный и практический опыт остался не востребованным, распыленным, не переданным следующему поколению. Ломалась и жизнь семьи и детей:

– «Смене эпох еще как обрадовалась! В начале перестройки было здорово. Появилась возможность сочетать несколько видов работ... Но это быстро закончилось. В последние годы пришлось работать в сфере услуг»;

– «После перестройки остался жив и на плаву. Работаю в трех организациях, в том числе преподаю в Московском геологоразведочном институте»;

– «Перестройка впервые позволила почувствовать, что что-то в этой жизни зависит от тебя, и ты еще многое можешь сделать, независимо от возраста, было бы желание и энергия»;

– «<Все годы> проработала на производстве... И работала бы и дольше, но к этому времени геология как отрасль перестала существовать, финансирование практически кончилось. Я переживаю это как личную трагедию и трагедию страны. Даже любимый молоток некому отдать — ученики разбежались для добычи хлеба насущного»;

– «В начале 1990-х наш институт... оказался без заказов... Но тут Каспий стал затапливать города Дагестана и вновь понадобились сложные инженерные изыскания. Затем возникли проблемы с трассами магистральных нефте- и газопроводов на Кавказе, Сахалине и т. д. И жизнь наладилась»;

– «<В 1991 г.> мой сын-биохимик покинул “страну победившего социализма” и живет в Канаде. Я его с тех пор так и не видел, равно как и своих внуков, родившихся во Франции, а потом во франкоязычной Канаде. Слетать не позволяют материальные возможности, но еще не вечер» (с. 236–238).

Все же, немалая часть ответов содержит и положительную оценку «слома эпох». Или — попытку определения цены такого перелома:

– «Сначала были восторги и большие надежды, сейчас нет восторгов и надежды стали очень маленькими»;

- «Положительный момент — возможность поехать за рубеж на конференцию или в качестве туриста. Отрицательный момент — значительное понижение уровня жизни... в том числе огромные финансовые трудности в устройстве в научную командировку на конференцию и, тем более, на полевые работы в экспедицию»;
- «Если оценивать коротко и в главном — то в лучшую сторону. Плохо то, что исчезла возможность полевых работ...»;
- «Перемены... несколько увеличили степень нашей (в том числе, — и моей) свободы и информированности, но существенно сократили возможности для моей профессиональной деятельности... и значительно ухудшили материальное положение. Цена “за обретенные свободы” и за “открывшиеся возможности” кажется мне чрезмерной...»;
- «Смена исторических эпох напоминает мне смену крыши моего дома в деревне. Со старой жить невозможно (течет везде как решето!), замена — неизбежна, но как она и тяжела, и опасна, и чревата всякими непредвиденными осложнениями» (с. 239–242).

Российская социология пока что мало интересуется или просто не успевает отследить и оценить историю развития отраслей знания, отдельных профессий. Между тем отраслевой принцип буквально пронизывал всю советскую историю, включая большинство научных дисциплин. Но внутри «населяющих» их человеческих сообществ, как показывает рецензируемая книга, постоянно возникали те же вопросы: что казалось главным в жизни тогда, 50 лет назад, и что теперь? Что важнее: хороший специалист или хороший человек? Что лучше: быть сильным или терпимым? Как считают сами авторы, «прошедшие полвека показали, что самое главное, самое глубинное и основополагающее в нас не изменилось с тех давних пор, когда нам было восемнадцать, и на нашем последнем юбилее мы особенно остро почувствовали, что стали друг другу еще ближе и роднее» (с. 7).

В заключение хочу сказать, что подобные «коллективные биографии», написанные реальными участниками событий, но с дистанции в полвека, причем людьми образованными, теоретиками и практиками (полевыми), суть важнейший источник социологических и исторических знаний о недавнем прошлом страны и ее ближайших соседей. А также для историко-социологических исследований научных и человеческих сообществ. Вспомним хотя бы пример полувекового существования «Братства», членами которого были В.И. Вернадский, его близкие и единомышленники. Прагматичный западный интеллектуальный и бизнес-мир уже взял на вооружение личные биографии (storytelling) как инструмент, используемый для карьерного продвижения и «набирания очков». Однако приведенные в книге биографии имеют гораздо более фундаментальное значение: они позволяют нам понять масштабы и цену произошедших с нами исторических перемен в духе французской школы Анналов.

О.Н. Яницкий,
доктор философских наук